

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— У Кулаковского, если ты помнишь, шаман выступает прежде всего как философ и провидец, но не в качестве человека, совершающего какие-то религиозные обряды, — поясняет Борисов свою позицию. — По сути, в поэме «Сновидение шамана» и в «Письме интеллигенции» Кулаковский еще в начале века разработал для якутского народа целую программу. Он, во-первых, призывал якутов стать просвещенными людьми, во-вторых, выявил схожие мотивы в культурах якутского и русского народов и, в-третьих, повел речь о том, как якутам войти в контекст мировой цивилизации. И вот прошло больше восьмидесяти лет. Как я считаю, якуты в лице лучших своих сынов — Георгия Башарина и Суоруна Омоллона — выполнили эту программу. У нас появились свои научные институты, университет, высшая школа музыки, драматический театр, опера, балет, цирк. Словом, мы теперь не чувствуем себя на отшибе цивилизации. Но встает другой вопрос: а что дальше делать?

Борисов акцент делает на последние четыре строфы в «Сновидении шамана», в которых Кулаковский обращался к верховным божествам с просьбой указать его народу дальнейшую дорогу. Вникая в заключительные слова поэмы, режиссер пришел к выводу, что Кулаковский был озабочен духовной сутью человека. Как ему представляется, только духовный идеал может спасти северян в эпоху страшных катаклизмов.

Борисов уже нашел форму спектакля. — За основу я хочу взять круг, — делится он своей задумкой, — на котором будут установлены флаги самых разных стран. Что-то по типу Организации Объединенных Наций. И вот на этом круге я собираюсь организовать обсуждение проблем якутов. Кулаковский будет изображен в трех ипостасях — как шаман, как интеллигент и как провидец. В его роли я сегодня очень хорошо представляю Герасима Васильева, но возможно, Кулаковского играть будут несколько артистов.

Спектаклем «Сновидение шамана» Борисов хочет развевать ощущение, будто национальная интеллигенция в дни современного лихолетья растерялась и окончательно запуталась. Нет, это не так. Сам режиссер в этой связи любит повторять такую фразу: нельзя развитие путать с эволюцией. Развитие — сумма приобретений, после чего наступает время качественного скачка, рывка или поворота, кому что больше нравится, и происходит уже эволюция. Это к тому, что сегодня уже невозможно ставить спектакли исключительно в традиционном ключе, как, впрочем, нельзя писать многотомные семейные хроники, погрязая в этнографических деталях и бытовых подробностях, иначе легко растерять последних зрителей и читателей.

Ну а как же все-таки православию? Оказывается, Борисов уже «взял в работу» пьесу живущего в Якутии русского поэта Владимира Федорова об Алексее Оконешникове. Был такой якут из северного улуса, который волею случая попал сначала в Казанскую семинарию, а потом в Петербург. Русско-японскую войну он встретил корабельным священником на крейсере «Рюрик», о чем можно прочитать в романе «Крейсера» Валентина Пикуля. Но самой страшной страницей в биографии якутского пастыря оказался японский плен. Оконешников считал, что «Рюрик» потерпел поражение во многом из-за несовершенства нашей военной техники. Свой письменный анализ морского сражения он умудрился спрятать в бинтах и потом с оказией переправить из японского плена в Петербург. Однако высшее военное чиновничество осталось недовольно выводами корабельного священника, и Оконешникова после возвращения из Японии отправили подальше от столоначальников — в Якутию. Ну а потом, по одной из версий, Оконешников, приехав на Север, спился и куда-то исчез. Чем не драматическая судьба?

Когда Борисов читал эту пьесу, его вдруг поразила одна догадка: детство Оконешникова по времени совпадало с миссионерской деятельностью в Якутии Вениаминова — и кто знает, может, великий русский пастырь подтолкнул якутского паренька встать на путь служения Богу? Вот пример конкретного влияния русских миссионеров на сибирских язычников.

Здесь пора рассказать, что вообще-то режиссером Андрей Борисов стал случайно. После окончания школы он поступил в Якутский университет, но без успеха. Тогда кто-то посоветовал ему податься в Щепкинское училище, которое как раз набирало якутскую группу.

По рассказам однокурсников, в училище Борисов отнюдь не блистал. В курсовых и дипломных спектаклях его допускали разве только до массовок. Другое дело — жена. Заней еще в



Степанида БОРИСОВА.

## ТРИ ОБРЯДА

училище вели охоту два театра — Нюрбинский и Якутский. Степанида выбрала Якутск и сразу получила главную роль в пьесе Ивана Алексеева, которая рассказывала о трагической любви бедной якутской девушки еще в стародавние времена. Зрителей поразила тогда даже не ее игра (сама по себе очень яркая), а горловое пение. Степанида очаровала всех клысахом.

Муж на этом фоне явно не смотрелся. Самое большое, что после Щепкинского училища доверяли ему в Якутском драмтеатре, — гусарские роли в водевилях. Естественно, так долго продолжаться не могло. Поэтому сразу после армии Борисов подал документы в ГИТИС, где его взял к себе в мастерскую Андрей Гончаров. А дальше произошел переворот, других слов я не нахожу.

— Когда Андрей только взялся за сценарий для дипломного спектакля «Желанный голубой берег мой» по повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря», — вспоминает его жена Степанида Ильинична Борисова, — я поняла, что это будет гениальный спектакль. Хотя никаких условий для работы у Андрея не было. Мы жили в Якутске с двумя дочерьми в комнате площадью восемь квадратных метров. Летом у нас стояла невообразимая духота, да еще каждый вечер к нам являлась масса гостей. И тогда я уговорила мужа на лето переехать в деревню. В Кангаласском улусе мы облюбовали старый дом без крыши, я занималась детьми и собирала грибы, а Андрей сидел работал. А рядом с нами жил один немой парень. Ему было интересно, что мой муж выдумывает, и вот Андрей ему жестикнул, объясняя идею спектакля. Потом почти все эти жесты Андрей включил в спектакль, а его дипломная работа обошла весь мир и получила множество премий.

*После инсценировки айтматовской повести между мужем и женой развернулось настоящее творческое соперничество: кто гениальнее. Первой бросила вызов жена. Она с триумфом исполнила трагическую роль нищей проститутки Шен Де в спектакле по пьесе Брехта «Добрый человек из Сычуаня». Молодые ребята-якуты были прямо-таки покорены ее драматической игрой, но их страшно раздражало горловое пение актрисы, может, потому, что тойжк в послевоенное время в городе почти не звучал. А старики, наоборот, все двадцать две песни Степаниды слушали с замиранием сердца.*

После Брехта последовал ответ. Муж сделал изумительную постановку распутинской повести «Прощание с Матерой».

Вообще за пятнадцать лет Борисов поставил в Якутске на сценах Национального и Русского театров три десятка драматических представлений. Он показал, что прекрасно умеет работать с классикой. Достаточно вспомнить в его постановках «Чайку» Чехова и «Женитьбу» Гоголя. Но ему одинаково близок и северный материал, о чем свидетельствуют спектакли «Ханидо» и «Халерха» по роману юкагирского писателя С. Курилова и композиция по творчеству П. Ойунского «Мною оставленные песни». Кроме того, режиссер в 1988 году доказал, что может подчинить себе и московские площадки, поставив во МХАТе у Т. Дорониной уже упоминавшуюся повесть В. Распутина «Прощание с Матерой».

Но оказалось, Борисов мало драматического материала. В этом году он

вдруг обратился к опере. Стремление к экспериментам — это у Борисова в крови. Он рассказывает:

— Однажды в Москве я объехал вокруг восстанавливаемого Храма Христа Спасителя. Повсюду в глаза бросались строительные леса. И вдруг я подумал: что же это такое — сначала все рушим до основания, а потом заново все воссоздаем? И тут же в моем сознании промелькнул образ Бориса Годунова. Я представил его умирающим в момент появления строительных лесов. У нас в России ведь как «сколачивают» леса? Так скосочат, что не поймаешь, то ли кресты кругом поставили, то ли это просто разруха. Вот — вечное состояние российской души.

Так у Борисова созрела идея поставить оперу Мусоргского «Борис Годунов». Надо было только найти свой режиссерский ход. Перечитывая либретто, Борисов вдруг поразился одной из последних строчек: «Ходит зверье невиданное». Он еще подумал: что это за народ может бродить на польской гра-



Андрей БОРИСОВ.

нице? Народ обычно сеет хлеб, а тут какие-то бродяги, собравшиеся в ожидании скандала. Поэтому режиссер отказался от традиционного понимания заключительного действия как социального бунта.

У Борисова опера начинается сценой соборного пения. Народ жаждет хлеба. И на полном контрасте построена завершающая картина. Для последней арии Борисов подобрал не красавца, как это было принято у других режиссеров, а юродивого. Перед заключительной сценой юродивый свернулся калачиком, а вокруг толпа на красном кругу среди хлебов бросает похороны на отрубленные головы шапки; приветствуя лжецаря. Эффект поразительный.

*Смелость Борисова в опере «Борис Годунов» проявилась и в том, что он напрочь отказался от всякого этнографизма. Артисты играют у него без приклеенных бород и красочных кафтанов. Правда, однажды исполнил главную роль Иван Степанов рискнул нарушить запрет режиссера и вышел на сцену в гриме. И вместо спектакля, как считает Борисов, получилось недоразумение.*

В последние годы многим в Якутии не дает покоя фамилия режиссера. Из-за этого сколько курьезов уже было. Вот одна только история. Прилетел однажды на Север какой-то чиновник из Министерства культуры России — и в недоумении: прима-балерина — Борисова, лучшая певица — Борисова, ведущая актриса драмтеатра — Борисова, главный режиссер — Борисов, мэр Якутска — Борисов, баянист номер один — Борисов, заместитель председателя республиканского правительства по сельскому хозяйству — Борисов. В конце концов чиновник не выдержал и прямо в лоб спросил у сопровождавших его людей: здесь что, как в Средней Азии, свой клан Борисовых рулит?..

Откуда знать чиновнику, что фамилия эта пустила на Севере свои корни еще в семнадцатом веке, после прихода в Якутию русских казаков. Никаких кланов, естественно, здесь нет. Большинство Борисовых в Якутии — однофамильцы, и только. Зато тут напрашивается другой вывод — о многовековых исторических связях между якутами и русскими. Но этим никто всерьез не занимается. Ну

скажите, где еще, в какой республике есть такой феномен, чтоб четверть национального населения, если не больше, были Иванами Ивановичами? Это ведь о чем-то говорит.

Однако радикальной интеллигенции до сих пор не дает покоя, что у якутского режиссера — русское имя Андрей, не якутское отчество Саввич и фамилия чересчур простая. А что творится у него в театре драмы? Какой, мол, это национальный театр, если ведущих артистов зовут Куприян, Герасим, Матрена, Праксодья, Степан...

Может, пришло время всем сменить имена?.. Борисов категорически не согласен.

— Есть не мною придуманное понятие: без прошлого нет настоящего, — говорит режиссер. — И это нормально. Но, с другой стороны, как бы человечество ни возрождало древние обычаи, возврата к прошлому быть не может. Такова объективность. У якутов есть, может, на взгляд европейца, в чем-то странный момент: после похорон они на могилу никогда не оглядываются и на кладбище не возвращаются. Нет, это не забвение памяти.

*Никто не может нас упрекнуть в том, что мы утратили свое прошлое. Доказательство тому — разве не якуты сохранили для мира олонхо? Просто якуты считают, что прошлое надо помнить для того, чтобы жить настоящим ради будущего. Поэтому давайте не будем из наших имен делать большую политику.*

Сейчас Борисов много размышляет о природе циркулярной цивилизации. Друзья недоумевают, зачем это ему надо, мало ли у него других забот. Но сам Борисов считает, что просто пришло время отдавать долги.

— Из родительских рассказов я знаю, — говорит режиссер, — что, когда я родился, больше всех, после матери и отца, обрадовался этому мой дед. А жил он в глухой деревне Чагда на самом севере Якутии, где раньше были очень богатые оленные места. Так вот, узнав о моем появлении на свет, дед выскочил на улицу, чтоб заколоть тугута (так у нас зовут быстро взрослеющего жеребенка). Потом он вошел в дом, покормил духа огня, затем повернулся к стене, где висел какой-то старинный образ, встал на колени и долго молился. Короче, при моем рождении было совершенно сразу три обряда: якутский, тунгусский и русский. Во мне течет кровь трех народов, и я этим очень горжусь. Насколько я знаю, мой прадед Расторгуев был из казаков, в Якутии он женился на тунгуске, а сын его связал свою судьбу с дочерью русского священника Березкина из Вилюйска. Очень интересная биография и у моего отца, он — вилюйский якут из древнего рода. Может, поэтому я порой ощущаю себя в Якутии транслятором культур сразу нескольких народов.

К сожалению, долгое время на Севере никто всерьез не понимал, какое разнообразие культур имеет арктический край. Так, якуты в далекие времена привезли из степи праздник кумысного питья; поклонения солнцу и обожествления коня — Ысыах. Свои обряды за многовековую историю сложили малочисленные народы Севера — эвэнки, эвэны, юкагиры, чукчи и долганы. Потом очень сильные корни пустила в Якутии после прихода русских казаков пашенная культура. В чем-то с ней перекликаются старожильские традиции, яркими носителями которых выступают обитатели Русского Устья. Какие-то обычаи сформировала за несколько веков также ямщицкая культура. Затем, я думаю, мы поторопились вычеркнуть из списка действующих советскую культуру, которая далеко не исчерпывается песнями и танцами «временщиков», положивших свои жизни ради освоения золотых и алмазных месторождений и выстроивших на собственных костях Мирный и Нерюнгри. А куда девать «городской романс», куда можно вписать творчество молодых якутов, выросших среди асфальта и железобетона и для которых с рождения родным языком стал русский?!

Кто-то ведь должен все это осмыслить. Вот почему Борисов задумал фестиваль «Мы — якутiane». Он открывається в эти дни в городе алмазников, в Удачном, и в течение года пройдет, как эстафета, через все улусы республики.

Сверхзадача Борисова — за песнями и плясками попытаться всем миром осознать, что циркулярная цивилизация — это не чья-то очередная придумка, а культура, сотканная в течение многих веков совместными усилиями эвэнов, якутов, юкагиров, русских, долган и других народов.

В. ОГРЫЗКО